

МЫСЛИТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН

ПЕРВОЙ после потрясения приходит мысль об итоге, о том, что обозначается величественным словом НАСЛЕДИЕ. Определить его объем и границы еще невозможно. Все то, что было создано Шостаковичем за десятилетия творческого подвижничества, — пятнадцать симфоний, пятнадцать квартетов, оперы, балеты, оратории, инструментальные концерты, романсы, циклы, песни, два тома прелюдий и фуг — все это только обозримая часть его наследия, то, что поддается исчислению. Но есть другая часть. Она покоится не на библиотечных полках, дирижерских пультах, она зафиксирована не на магнитофонных лентах, которыми можно опоясать Землю. Ее место — в сознании, в душевном мире миллионов современников, для которых Дмитрий Шостакович был властителем музыкальных дум.

В те дни, когда во многих городах мира впервые звучала Первая симфония Шостаковича, когда к двадцатилетнему композитору пришла мировая слава, трудно было определить пути, творческую судьбу автора, первая симфоническая партитура которого поражала необычайной для юноши зрелостью, безукоризненностью мастерства и вместе с тем той свежестью, в чем-то даже угловатостью — спутницей застенчивой юности.

Впервые поднявшись на симфоническую трибуну, Шостакович решил навсегда, что трибуна эта воздвигнута не для красноречия, что с этой трибуны должно прозвучать только самые важные, самые пламенные речи, направленные к достижению самых высо-

ких этических целей. В понимании Шостаковича симфонии — это плацдарм воинствующей философской мысли, борющейся за идеалы гуманизма, обличающей зло, несправедливость, низость мысли, снова и снова подтверждающей идею, выдвинутую Вольфгангом Гёте:

Лишь тот достоин счастья и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

Поэтому никакой иной жанр, а именно симфония стала наиболее определяющим жанром для композитора-мыслителя, композитора-философа. Сила мысли Шостаковича сродни интеллектуальной мощи Курчатова, Ландау, Королева. Она направлена на поиск истины и не отступает перед преградами, кажущимися непреодолимыми.

Шостакович редко обращался к истории, а если и обращался, то тогда, когда историческое событие близко по духу нашему времени, нашим идеалам. Так родилась оратория «Казнь Степана Разина», по праву занимающая место рядом с высочайшими вершинами русской музыкальной классики — с «Борисом Годуновым» и «Хованщиной» Мусоргского. Весь пафос своего творчества Шостакович направил на раскрытие, отображение, истолкование событий, идей, самых острых проблем современности.

Первые порывы вихря, несущего угрозу миру, культуре, цивилизации, он услышал в дни работы над Четвертой симфонией. Шел 1935 год. И от Четвертой симфонии через Пятую, в которой еще более зловеще зазвучала тема угрозы светлому миру сози-

дания и правды, путь привел композитора к легендарной Седьмой симфонии, «Ленинградской». О ней писал Алексей Толстой: «Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства».

Тема зловещей силы, поднимающей против человека и человечества, тревожившая Шостаковича чуть ли не с юношеских лет, конкретизировалась и стала темой войны. Она звучит в трагической эпопее Восьмой симфонии, в Десятой, Тринадцатой, в Фортепианном трио, посвященном памяти друга — И. И. Солдерегинского. Эта тема во весь голос звучит в музыке к фильмам «Молодая гвардия», «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина», «Пять дней — пять ночей».

Образы борющегося народа, борющейся личности, образы героические и вместе с тем надленные истинной простотой человечности поднимаются со страниц партитур, посвященных великим событиям революции. Для Шостаковича пафос революционной бури — это все то, что он видел воочию. Вспоминая свои детские годы, он писал: «Я был свидетелем событий Октябрьской революции, был среди тех, кто слушал Владимира Ильича на площади перед Финляндским вокзалом в день его приезда в Петроград. И хотя я был тогда очень молод, это навсегда запечатлелось в моей памяти». Память подсказала композитору тему, образы, эмоциональный подъем, конкретные мелодии революционных песен в дни работы над Одиннад-

цатой и Двенадцатой симфониями, из которых первая носит название «1905 год», а вторая, посвященная В. И. Ленину, — «1917 год».

Присущие Шостаковичу настороженный гуманизм, ненависть к злу, обличение его во имя правды, во имя человека раскрываются в Тринадцатой симфонии, написанной на стихи Евгения Евтушенко.

И, наконец, последние две симфонии — Четырнадцатая и Пятнадцатая. О первой из них Мариэтта Шагинян писала: «Четырнадцатую симфонию мне бы хотелось назвать первыми Страстями Человеческими новой эпохи». В ней композитор-философ обращается к теме, извечно волнующей всех живущих — от ребенка до мыслителя, к теме жизни и смерти.

И, наконец, последний этап: четыре года назад Дмитрий Дмитриевич написал Пятнадцатую симфонию. На склоне лет он вернулся в светлый мир детства, юношеских тревог, трагических предчувствий, напомнив нам великого ясновидящего мыслителя, вглядывающегося в далекие дали детства, отрочества, юности, в светлый мир.

Пятнадцать симфоний Шостаковича складываются в летопись — эпопею нашего времени. Они созданы человеком, вставшим в ряды тех, кто активно преобразует мир. Его оружие — музыка, ставшая философией, философией — ставшая музыкой.

В веках останется творческий подвиг гениального русского композитора — великого гражданина Дмитрия Шостаковича.

Л. ЭНТЕЛИС

13 АВГ 1975

ОБЩЕ
г. Ленинград
С. Ю. Ю.
С. Ю. Ю.